

Паничкин В. «Печать земли Сибирские Кузнецкого города»

// *Кузнецкий рабочий.* - 1996. - 27 апреля. - С.5

История символики Кузнецкой земли уходит корнями в глубь веков. Жившие здесь народы имели родовые тотемные знаки: шорцы - волка и медведя, телеуты - волка и лошадь. Эти народы имеют родство с племенами, жившими на нашей земле тысячи лет назад: в культуре шорцев ученые, помимо тюркского, выделяют угорский, самодийский и кетский компоненты. Исчезнувшие народы оставили замечательные выбитые в скалах книги о себе - Томские писаницы. Древнейшая - Тутальская: красной охрой нарисована лошадь с длинным хвостом. Академик А. Мартынов датирует ее концом древнекаменного века (15-12 тысяч лет назад). Ее перекрывают позднее выбитые лоси, которые затем стали основной темой художников. Но открыла собой эпопею создания писаниц, заметим, именно лошадь - древнейший тотем народов Кузнецкой земли. На Томской и Шишкинской писаницах прочерчены в бронзовом веке и фигуры волков. Медведи изображены на Томской и Тутальской писаницах. Итак, первоначальные тотемы кузнецких народов - лошадь и волк - постепенно были потеснены медведем и лосем. Как же со временем они вновь заняли свое место? С истреблением лосей и переходом от камня через бронзу к железу охота на них отошла на второй план - главную роль стало играть скотоводство у степняков с его главным элементом - лошадей, и земледелие - у лесостепных и таежных племен. Кроме того, в эпоху великого переселения народов и Тюркского Каганата, включавшего Притомье, здесь усилился тюркский фактор. А символом-прародителем тюрков, как известно, был волк. Здесь же он вдобавок наложился на древнейший локальный тотем, а поэтому закрепился навсегда, став главным для шорцев и основным (наряду с лошадью) для телеутов. С казаками пришла на землю Кузнецкую и русская система эмблематики. Атаманы Иваны Павлов и Пущин, Бажен Константинов ставили первые Кузнецкие остроги, держа при себе грамоты томских воевод с красными прикладными восково-мастичными печатями, на которых была «коруна, а около вырезано «Печать государева Томского города». Первые попытки закрепиться успеха не имели - казаки вынуждены были покидать остроги.

В апреле 1618 г. Кузнецкий острог был возобновлен казаками сына боярского Остафия Харламова-Михайлевского, который своей печатью еще не имел, как и пришедшие на смену в июне 1618 г. Осип Кокорев и Бажен Карташев. Сменившие их в мае 1619 г. Тимофей Стефанович Боборыкин и Осип Герасимович Онисков всерьез обеспокоились отсутствием столь необходимого атрибута воеводской власти, как своя печать. Особенно учитывая то, что по царскому указу, по словам историка Герарда Миллера, «необходимо было построить среди тамошних татар особый острог и подчинить эти волости не Томску, а особым воеводам из Москвы». Своя печать была действительно нужна в силу особого положения Кузнецка - самого южного русского форпоста в Сибири в глубоком тылу у «немирных народцев», в силу его удаленности от Томска и неизмеримых пушных богатств обширных кузнецких волостей. А кроме того, по традиции, каждый острог в Сибири получал свою печать с эмблемой почти автоматически после его основания, независимо от хозяйственной и военной роли. Надо полагать, помимо прочего, воеводы просили для Кузнецка и печать с эмблемой, считая, что «ей должно быть изображение волка - в знак необжитости сих мест». И печать Кузнецку была пожалована в 1622 г. вместе со статусом города. Ее описание дано в «Росписи государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея России сибирским печатем, какова в которых городех и острогах и в которой печати что вырезано и подписано». Описана печать так: «На кузнецкой волк», а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Кузнецкого города».

Эмблема волка как нельзя более подходила Кузнецку - долгие десятилетия стоял он тупиком в стороне от торных дорог, почти каждый год подвергаясь опустошительным

набегам «государевых непослушников». Долгих 72 года 27 кузнецких воевод вместе с денежной и хлебной казной, складом мягкой рухляди и хоругвью Ильи-Пророка как святыню передавали следующему воеводе серебряную печать-матрицу в дорогой, выложенной бархатом шкатулке с серебряными пробоями и личинками, а также сафьяновый куль с шелковым шнуром для печати. 72 года скрепляли воеводы грамоты печатью с волком.

Видя на грамотах воевод собственный тотемный знак - волка - кузнецкие татары лишней раз могли убедиться в легитимности воеводской власти и дружелюбии к ним русских, принявших их символы.

Волк оказался живучей эмблемой. Именно такую печать упоминает «Роспись государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, печатем, какова в котором городе или остроге и что на которой печати вырезано» от 1656 года, опубликованная в книге Ю.В. Арсеньева «Геральдика» в 1908 г. О том, что печать Кузнецка активно «работала», можно судить и по ее наличию в «Росписи сибирским печатям, какова в котором городе и остроге и что на которой печати вырезано» - Приложении к Наказу таможенному голове Верхотурья от 11 июля 1692 г. Документ этот, между прочим, был включен в Полное Собрание Законов Российской Империи, том 3, дело 1443 - своего рода Конституцию России, что говорит о значимости древней кузнецкой эмблемы. Ее знали не только в уезде, но и всюду, куда шла лучшая в Сибири, по мнению историка М. Сорокина, пушнина - кузнецкие соболя. А шла она за тысячи верст от нас - в Москву и богатые европейские столицы. При всей опасности жизни на Сибирской Украине, как величали Кузнецкий уезд, начиная с основанной в 1625г. заимки Атамановой, он развивался: появлялись деревни; села, остроги, монастырь. В «Чертежной Книге» С. Ремизова (1699 г.) вокруг Кузнецка - 34 пункта, еще больше - на севере уезда. Великими трудами казаков, крестьян и работных людей «с необжитостью сих мест» было покончено. И символ - волк потерял актуальность. Требовался знак прямо противоположный - символ освоения необъятных просторов, а его роль в геральдике всегда играла лошадь.

И в 1694 г. Петр I пожаловал Кузнецку новую печать с изображением лошади. Она появилась в составленном чуть позже «Списке великого государя сибирским печатям, какова в котором городе и остроге и что на которой печати вырезано». Принял ее воевода стольник Алексей Сидорович Синявин. Столь престижный знак, как лошадь, Кузнецку был дан неспроста: 10 из 14 сибирских городов продолжали в это время пользоваться старыми печатями, указанными еще в Росписи 1635 г. Будущий император уже тогда строил планы не только «ногою твердой встать на море», но и «взять весь Иртыш под высокую государеву руку», а значит присоединить к России Алтай, управлять коим долгое время надлежало из Кузнецка - самого южного пока форпоста России - в Западной Сибири. События следующих лет полностью это подтвердили.

Воеводы имели полное основание гордиться вниманием царя: до 18 века Кузнецк был одним из немногих из 150 городов России, имевших свою эмблему. По данным историков Е.Н. Каменцевой и Н.В. Устюгова, наряду с ним печати имели лишь города Сибири и 9 городов Руси.

Резонно задать вопрос: «А можно ли эти печати считать гербами?» Лично я твердо уверен, что да. Противники, утверждая обратное, ссылаются главным образом на то, что классические (читай - западноевропейские) гербы вели происхождение от рыцарских щитов, а на плоскости изображались строго определенным образом.

Из-за ордынского ига на Руси печати с гербовыми сюжетами появились лишь в 16 веке, когда в Европе с рыцарями, готической культурой, раздробленностью, а значит и с «классической» геральдикой было почти покончено. Она стала «бумажной» - гербы превратились в печати. А в России... А в России печати превратились в гербы. И с 17 века до 17 года их судьба полностью совпадала. Если печать Кузнецка ни по оформлению, ни по функциям ничем не отличалась от печатей городов Европы, в чем праве называться

гербами никто не сомневается, значит, она является полноправным гербом. «На Западе и на Руси, - пишет академик Дмитрий Лихачев, - сущность средневекового символизма была в основном одинакова: одинаковы были в огромном большинстве и самые символы, традиционно сохранявшиеся в течение веков». Тожественность печатей и гербов была подтверждена в 1672 г. в Большой Государевой Книге «Титулярнике» - посчитали возможным считать городскими гербами изображения городских печатей. Во всех указах тех лет о гербах говорится как о чем-то уже давно существующем.

Окончательно идентичность печати и герба признана в августе 1724г. в Сенатском Указе в созданной двумя годами раньше Герольдмейстерской Конторе.

Кузнецк уже имел герб - лошадь, но назначенный Петром I товарищ Герольдмейстера Франциск Санти не мог узнать о нем. Указом Сената из архива Коллегии иностранных дел в Герольдию была «для списывания» передана книга, «в которой показаны Российского империя и чужестранных государств гербам рисунки» - видимо, Титулярник. Но эмблем городов, не входивших в царский титул, в том числе и Кузнецка, в нем не было, чем Санти был недоволен. Не получив иных книг, он сам побывал в ряде городов, где срисовал печати. Как человек честный, не пожелал рисовать «отсебятины» для городов, чьи печати не знал. Поэтому он разработал и до 1 декабря 1724 г. разослал анкету из 8 пунктов, дабы выяснить подробности в городах. Из Сибири ему пришло единственное доношение, да и то с отказом прислать сведения «понеже в Сибирской губернии город от города в дальном расстоянии и посланные возвращаются через годичное время». Но Санти нарисовал-таки 97 гербов, в том числе 21 сибирский (5 из числа входивших в титул императора и 16 городских), в том числе герб Кузнецка в 1726 г: «на новом французском щите» была изображена кузница со всем кузнечным инструментом в золотом поле - герб был говорящим.

Так кто же исполнил первый классический герб нашего города? Это помощник Санти - живописный мастер Иван Васильевич Чернавин и подмастерье Петр Александрович Гусятников. В 1745 г. товарищ Герольдмейстера Василий Евдокимович Адодуров разослал анкеты в 104 города, откуда в свое время не поступило известий на анкету Санти, в том числе в Кузнецк. В Ведомостях, пришедших из Сибири, описывались печати пяти городов, в том числе Кузнецка, который сообщал, что на его печати помещен герб, а не изображение зверя или птицы. При Адодурове герб Кузнецка изменил форму щита - с прямого на модную тогда овальную. Взлет же дремавшей российской геральдики связан с Екатериной II. Получившие вольности города требовали себе торжественного наделения гербом. Старые гербы, данные им без особого церемониала, с их чисто утилитарными функциями городской печати, теперь и за гербы-то никто не считал. Герольдия трудится денно и нощно: создание гербов ставится на поток - они теперь обязательны для каждого города и утверждаются списком для всей губернии. Одно плохо - в такой спешке на имевшиеся у городов гербы и печати внимания почти не обращали.

21 апреля 1785 г. Екатерина подписала «Грамоту на права и выгоды городам Российской Империи», где статья 28 гласила: «Городу иметь герб, утвержденный рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах». «Общество градское» должно было иметь и печать с городским гербом.

Екатерина прекрасно знала, что гербы у русских городов уже давно существуют, но ей очень уж хотелось выглядеть благодетельницей городов во всем без изъятий, поэтому она ничуть не противилась тут же созданной легенде о «первородности» именно екатерининских гербов. Более того, сама ее пропагандировала. Да так удачно, что мы и сейчас охотно верим, что герб нашего города появился не раньше 1804 г. В каждом Указе о создании гербов пояснялось: «А как ни самый наместнический город, ни приписные к нему гербов не имеют, то по приказанию Сената герольдмейстером князем Щербатовым

для оных гербы сочинены». И Михаил Михайлович старался, как мог.

Еще большую ревность в герботворчестве проявил его преемник - действительный статский советник А.А.Волков - герольдмейстер с 1779 г. 17 марта 1785 г. гербы получили города Тобольской губернии, 26 октября 1790 г. - Иркутского наместничества. При их создании по инициативе И.И. фон Эндена было принято не имевшее аналогов правило: пересекать герб и в его верхней части помещать губернский герб, оставляя собственно городскому лишь половинку нижнюю. Это вызвало критику знатоков геральдики, ведь при этом символ самого города играл подчиненную роль, занимая в щите второстепенное место. Именно такой герб и был 20 марта 1804 г. Указом Александра I дан Кузнецку: «кузница с принадлежащими к ней орудиями». Составил его, как и 9 остальных гербов Томской губернии, герольдмейстер Волков. Видел ли он предыдущий (1726 г.) герб Кузнецка? Возможно. Но даже если бы Волков не знал о нем, то нет ни малейших сомнений в том, что герб Кузнецка был бы точно таким: в силу особенности русской геральдики - обилие говорящих гербов. И поэтому Кузнецк из-за своего куда как более «говорящего» имени попросту был «обречен» носить герб - кузницу. Меж тем у нашего

города был еще один герб, неизвестный даже специалистам. Взгляните на фотокопию, кстати, она публикуется впервые. «Проект герба окружного города Кузнецка» от 24 ноября 1864 г., подписанный тремя высокими сановниками, среди которых и герольдмейстер Империи действительный статский советник Бернгард фон Кене. Это незаурядное произведение геральдики было обнаружено мною совместно с директором госархива Кемеровской области Владимиром Сергиенко в 1994 г. в Центральном гос. историческом архиве (бывшем Сенате) в Санкт-Петербурге.

Чем объяснить его появление? Политикой. Император Николай I почитал геральдику не меньше своей бабки Екатерины. В 1848 г. он расширил возможности Герольдии, преобразовав ее в полноправный департамент Сената и набрав штат лучших художников-геральдистов. Почитал и много от нее требовал. Он предложил усилить пропагандистский характер гербов и в 1851 г. даже лично составил схему их построения, которую Бернгард Кене и воплотил блестяще в жизнь, придумав стройную систему украшений щита, по которым легко можно было определить статус, величину и месторасположение города, род занятий его жителей. Покончил Кене и с унижительной для городов выдумкой Эндена - губернский герб более не довлел над городским, а знал свое место - в углу щита.

Все бы хорошо, да жаль только, что Кене был волонтаристом. Ряд эмблем (все античные и бытовые: прядильный станок, квадант) он счел негеральдическими и разом заменил пять гербов. Сюда же он зачислил и промышленные объекты, также классической геральдикой не предусмотренные, но находившиеся в семи гербах. И начать Кене, как теперь выясняется, решил с герба Кузнецка. Довести же этот герб до утверждения Императором не удалось - Герольдию накрыл девятый вал работы: переделать шесть сотен гербов России... Так и пролежал новый герб 130 лет в сенатских бумагах. Теперь же он - перед вами. Старый герб волей судьбы был спасен и очень скоро стал употребляться повсеместно: по Городовому Положению 1870 г. герб Кузнецка чеканился на знаках всех должностных лиц города, а вот в волостях у старшин, сельских старост, судей и заседателей на знаках красовался с 1861 г. герб Томской губернии. Носились знаки на цепи поверх мундиров, на пуговицах которых был герб губернский, также как и у студентов Кузнецкого уездного училища. С кузнецким гербом пуговицы были лишь у градоначальника. Герб Кузнецка стал и кокардой на фуражках виновников и полицейских. Кроме того, последние в начале века стали щеголять в белых мундирах с гербами, вышитыми на воротнике и обшлагах. А у рыскавших по уезду чиновников рыб- и зверьнадзора герб вышивался на плечах. Гордо нес герб и трехпалубный колесный пароход «Кузнецк», ходивший до Томска...

В. ПАНИЧКИН, действительный член Всероссийского геральдического общества